

Дьяков Станислав Сергеевич,

Студент 4 курса, РГГУ,

Россия, г. Москва

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В ЗАЛЕ СУДА: ПРОБЛЕМЫ ДОПУСТИМОСТИ «ЦИФРОВЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ» И СОХРАНЕНИЯ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию проблем интеграции технологий искусственного интеллекта в судебное доказывание в Российской Федерации. Анализируются трансформация критериев допустимости цифровых доказательств, сгенерированных нейросетями, и риски для принципов состязательности и свободы оценки доказательств. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников обосновывается необходимость выработки процессуальных стандартов, закрепляющих вспомогательную роль ИИ и приоритет человеческого суждения при принятии итоговых решений.*

***Ключевые слова:** искусственный интеллект, цифровые доказательства, допустимость доказательств, состязательность, нейросети, дипфейки, судебная экспертиза, УПК РФ, внутреннее убеждение, алгоритмическая предвзятость.*

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE COURTROOM: PROBLEMS OF THE ADMISSIBILITY OF "DIGITAL EVIDENCE" AND THE PRESERVATION OF COMPETITIVENESS

***Annotation.** The article is devoted to the study of the problems of integrating artificial intelligence technologies into judicial evidence in the Russian Federation. The article analyzes the transformation of the criteria for the admissibility of digital*

evidence generated by neural networks, and the risks to the principles of competition and freedom of evaluation of evidence. Based on the analysis of judicial practice and doctrinal sources, the necessity of developing procedural standards that consolidate the auxiliary role of AI and the priority of human judgment in making final decisions is substantiated.

Keywords: *artificial intelligence, digital evidence, admissibility of evidence, competitiveness, neural networks, deepfakes, forensic examination, Criminal Procedure Code of the Russian Federation, internal persuasion, algorithmic bias.*

Проникновение технологий искусственного интеллекта в ткань современного судопроизводства перестало быть вопросом отдаленной перспективы и стало реальностью, требующей безотлагательного доктринального осмысления. От автоматизированных систем оценки риска рецидива, используемых при избрании меры пресечения, до генеративных нейросетей, способных создавать фото- и видеоконтент, неотличимый от подлинного, — ИИ кардинально меняет ландшафт судебного доказывания. Внедрение ИИ в уголовный процесс обусловлено научно-техническим прогрессом и является неизбежным, однако оно несет в себе риски, связанные с непрозрачностью алгоритмов и постепенным самоотстранением человека от принятия процессуальных решений.

Традиционные правила допустимости доказательств, закрепленные в Уголовно-процессуальном кодексе РФ, исходят из презумпции, что доказательство имеет человеческое происхождение и его создатель может быть подвергнут проверке. Однако с появлением генеративных моделей эта презумпция разрушается. Отечественная судебная практика уже столкнулась с этим вызовом. Показательным является кейс, рассмотренный Арбитражным судом Западно-Сибирского округа (дело № А27-7831/2025), в рамках которого заявитель в кассационной жалобе сослался на судебную практику, фактически сгенерированную нейросетью — часть приведенных цитат отсутствовала в указанных судебных актах. Суд квалифицировал такие действия как

предоставление заведомо ложных сведений и проявление неуважения к суду, наложив на общество судебный штраф в размере 50 000 рублей. Суд подчеркнул принципиально важную позицию: использование искусственного интеллекта не освобождает от ответственности за достоверность представленной информации. Еще один прецедент — суд в Ростовской области, который впервые в практике рассмотрел медицинское заключение, сформированное искусственным интеллектом, и признал его несостоятельным. Обвиняемый загрузил фотографию потерпевшей, и ИИ предположил наличие инфекционного заболевания, а не физической травмы, однако суд отказался принять этот вывод как доказательство[1].

Эти случаи демонстрируют глубинную проблему: действующее процессуальное законодательство не содержит четкого ответа на вопрос, могут ли результаты работы генеративных алгоритмических систем (ChatGPT, Claude, Gemini и их российских аналогов) признаваться доказательствами. Как обоснованно отмечают Т.Г. Бородинова и Р.В. Костенко в своем исследовании, генеративные модели создают материалы, лишенные главного признака доказательства — связи с обстоятельствами прошлого, представляя собой вероятностные конструкции, синтезированные на основе статистических закономерностей обучающих данных. Авторы выделяют пять ключевых проблем процессуальной квалификации таких материалов: установление относимости к обстоятельствам дела, обеспечение допустимости доказательств, проверка достоверности содержащихся сведений, отсутствие возможности допроса автора и разграничение доказательственной и справочной информации. Исходя из этого, они обосновывают необходимость законодательного закрепления запрета на признание результатов работы автоматизированных систем иными документами-доказательствами.

Как верно отмечает Спиридонов М.С., проблема усугубляется тем, что согласно ст. 84 УПК РФ, иные документы могут содержать сведения об обстоятельствах, ставших известными за пределами производства по уголовному делу, и должны запечатлевать информацию о событиях,

существовавших на момент создания документа. Однако материалы, сгенерированные нейросетью, не обладают этим ретроспективным характером — они создаются «здесь и сейчас» на основе вероятностных алгоритмов, а не фиксируют объективную реальность прошлого[2].

Пожалуй, наиболее фундаментальный вызов, который ИИ бросает судебной системе, носит эпистемологический характер. Современные нейросети, особенно основанные на глубоком обучении, функционируют по принципу «черного ящика». Их внутренние логические цепочки не поддаются прямой реконструкции и осмыслению человеком. В контексте судебной экспертизы это порождает критический вопрос: может ли заключение, сформированное нейросетью, рассматриваться в качестве заключения эксперта в смысле ст. 80 УПК РФ? Как отмечают С.В. Лукошкина и М.Ш. Буфетова, нейросеть и искусственный интеллект можно рассматривать в качестве инструментов производства экспертизы, но эксперта и его заключение, выводы которого должны быть обоснованны и базироваться на совокупности примененных научных методов, искусственный интеллект в настоящее время заменить не может.

Экспертное заключение должно основываться на исследовании, проведенном экспертом, а исследование как вид познавательной деятельности характеризуется объективностью, воспроизводимостью, доказательностью и точностью. При этом действующее законодательство не содержит легального определения «исследования» в рамках процессуальных норм, что создает риск того, что псевдонаучные подходы, существующие вне рамок общепризнанных методик, могут быть представлены как экспертные процедуры. В случае же использования ИИ для генерации «выводов» этот риск многократно возрастает, поскольку отсутствует возможность проверить методику «рассуждения» нейросети. Помимо непрозрачности, на первый план выходит проблема отсутствия субъекта ответственности. Эксперт несет уголовную ответственность за дачу заведомо ложного заключения, следователь и судья — за принимаемые процессуальные решения. Но кто несет ответственность за

ошибку, допущенную нейросетью? Как справедливо отмечается в исследовании Бородиновой и Костенко, принципиальное отличие генеративных материалов от традиционных документов заключается в невозможности допроса «автора» — нейросеть не может быть вызвана в суд и подвергнута перекрестному допросу. Это лишает сторону защиты фундаментального права на оспаривание доказательств, что напрямую подрывает принцип состязательности[3].

Принцип состязательности (ст. 15 УПК РФ) предполагает разделение функций обвинения, защиты и разрешения дела. Однако внедрение ИИ ставит под угрозу реализацию этого принципа. Использование прогностических алгоритмов смещает акцент с установления фактов на вероятностное прогнозирование, а, как справедливо замечает П.В. Козловский, автономное принятие решений роботом-судьей невозможно в силу необходимости индивидуализации наказания и учета уникальных обстоятельств дела.

Особую тревогу вызывает практика использования ИИ следователями для «предварительной оценки» доказательств. Как демонстрируют А.А. Шеляшкова и Е.В. Исакова, даже при формальной оговорке о недопустимости делегирования итоговой оценки, обращение к ИИ неизбежно влияет на формирование внутреннего убеждения следователя. Машинный анализ становится психологическим ориентиром, от которого трудно абстрагироваться. Авторы приводят пример «обвинительного» запроса к ИИ: следователь формулирует промпт, ориентируя нейросеть на усиление позиции обвинения, и получает внешне убедительное заключение, воспринимаемое как объективный анализ. Это прямо противоречит ст. 17 УПК РФ, согласно которой следователь, дознаватель и судья оценивают доказательства по внутреннему убеждению, руководствуясь законом и совестью. Конституционный Суд РФ указывает, что данное предписание направлено на исключение внешнего воздействия на лиц, осуществляющих производство по делу. В контексте судебной экспертизы цифровизация деятельности с применением ИИ ставит вопросы о допустимости заключения,

сформированного нейросетью. Как отмечают Лукошкина и Буфетова, нейросеть может рассматриваться лишь как инструмент производства экспертизы, но не как замена эксперту, поскольку выводы эксперта должны быть обоснованны и базироваться на научных методах[4].

В то же время потенциальные преимущества ИИ, такие как анализ больших данных для выявления закономерностей или поиска прецедентов, при правильном использовании могут усилить состязательность. Однако эти возможности распределены неравномерно, что нарушает процессуальное равенство. Совет судей РФ весной 2025 года создал рабочую группу по формированию концептуальных подходов к использованию ИИ в судах, а в ФПА РФ — аналогичную группу, что свидетельствует о признании системных рисков на высшем уровне.

Отдельного внимания заслуживает проблема дипфейков — синтезированных фото-, аудио- и видеоматериалов, которые могут быть представлены как подлинные доказательства. По данным Минюста РФ, дипфейки активно используются при мошенничестве и манипулировании общественным мнением. На XIV Петербургском юридическом форуме состоялась сессия «Дипфейк как вызов судебной экспертизе», где обсуждались формирование нормативной базы, экспертные методики выявления фальсификаций. Поручение председателя Верховного Суда РФ о проведении масштабного анализа дел, связанных с ИИ, свидетельствует о намерении выработать единые подходы. Судам поставлены задачи оценить частоту использования ИИ в спорах, выявить дела о защите чести и деловой репутации при распространении сведений, созданных с помощью ИИ, а также собрать данные о делах о защите интеллектуальной собственности при обучении моделей без согласия автора. Полученные данные могут стать ориентиром для законодателей, а Верховный Суд — выступить с инициативой корректировки законодательства[5].

Таким образом, интеграция искусственного интеллекта в российское судопроизводство обнажает разрыв между технологическим развитием и

инерционностью процессуального законодательства. УПК РФ не содержит механизмов проверки достоверности материалов, сгенерированных нейросетями, а принципы состязательности и свободы оценки доказательств оказываются под угрозой нивелирования из-за алгоритмической непрозрачности. Активная позиция Верховного Суда РФ, Минюста и Совета судей свидетельствует о понимании системных рисков. Перспективным направлением видится не запрет ИИ, а выработка процессуальных стандартов, закрепляющих вспомогательную роль алгоритмов и приоритет человеческого суждения при принятии итоговых решений.

Список источников:

1. Енчик А. Г. Современные средства процессуального доказывания по гражданским делам // Актуальные исследования. 2026. №5 (291). Ч.II. С. 28-38.
2. Спиридонов М.С. Технологии искусственного интеллекта в уголовно-процессуальном доказывании // Journal of Digital Technologies and Law. 2023. Т. 1. № 2. С. 481–497.
3. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств. Актуальные проблемы российского права. 2021;16(8):118-128.
4. Горбатов, В. В. Допустимость доказательств, полученных с использованием электронных цифровых средств / В. В. Горбатов. — Текст : непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 38 (433). — С. 99-103.
5. Смирнов Г.А. ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СУДОПРОИЗВОДСТВЕ / Г.А. Смирнов, Л.В. Новикова // Международный научно-исследовательский журнал. — 2025. — №12 (162). — URL: <https://research-journal.org/archive/12-162-2025-december/10.60797/IRJ.2025.162.62> (дата обращения: 31.07.2026).